

Фантазии на темы Шекспира и Горького

ГАСТРОЛИ

Русский национальный академический театр драмы имени М. Горького из Минска показывает в эти дни на волковской сцене спектакли своего юбилейного тура. Осенью театр отметит 75-летие. Гастроли минчан на родине российского театра были восприняты коллективом как важная художественная миссия, как своего рода послание – от сердца к сердцу.

Открылись они двумя принципиально важными для горьковского спектакля – «Укрощение строптивой» Шекспира и «Чудаки» по малоизвестной зрителью пьесе Горького (постановки режиссера Валентины Ереньковой). Включение в репертуар Горького принципиально – его имя носит театр, верный заветам великого драматурга. В конце гастролей театр покажет «Мнимого больного» Мольера с участием народного артиста Беларуси Ростислава Янковского.

ПОРОГ ИСТИНЫ

Первые спектакли отразили художественное кредо театра – поиски действенной правды жизни, острые размышления о судьбе и «питательности» искусства, создание романтического театра синтетического типа. В «Укрощении строптивой» предстал театр Шекспира – яркими страстями, захватывающим сюжетом, динамичным действием. Игра Катарина – Вероники Пляшкевич и Петруччо – Сергея Чекереса буквально взрывала зал.

Спектакль пронизан сонетами Шекспира, и зрители готовы были петь вместе с актерами волшебные слова. В «Укрощении» оживают мотивы пьес «Сон в летнюю ночь» и «Гамлет». Труппа бродячих актеров разыгрывают сюжет о Петруччо и Катарине. Сюжет истории королевской охоты. Охоты за счастьем.

Ловчие выйдут с очаровательными борзыми, гончими, легавыми... В руках актеров собаки – игрушки. И шекспировский комментарий сообщает игровой картинке аромат театральности и веселости.

Огромная шекспировская тема, универсальная метафора с глубинным философским содержанием «мир – театр» становится метафорой с множеством смысловых аспектов. Катарина – Вероника Пляшкевич – вначале предстает почти одержимой и бесноватой. Но это – ироническая маска. В мире безнадежных глупцов, спесивых амбиций она находит

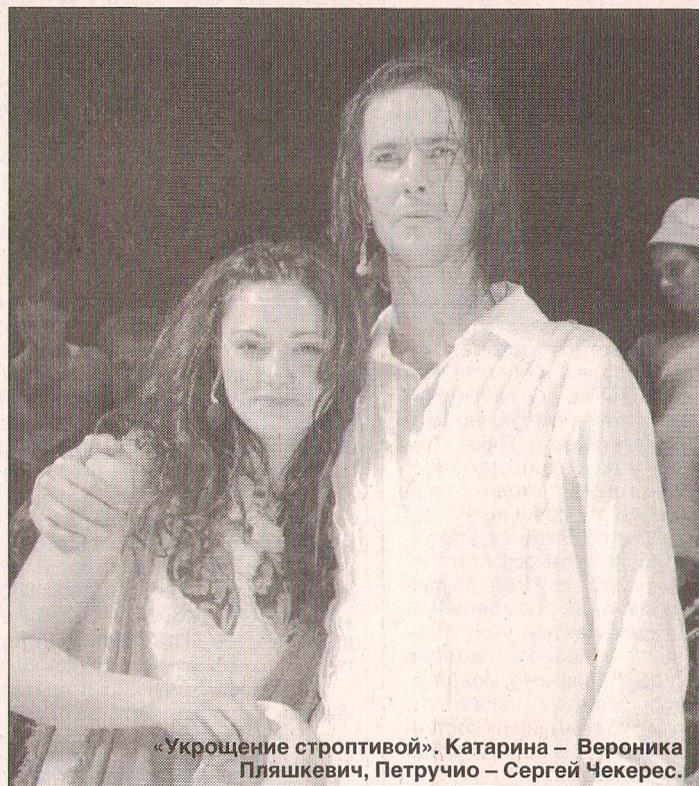
спасение в абсурдной неадекватности.

И Петруччо – Сергей Чекерес – актер бродячего театра, «умыкает» Катарину, вовлекает ее в приключения своего актерского балагана, и эта театральная жизнь, игра в костюмы и маски дают освобождение от того непрочного и неподлинного, что окружало героиню в прошлой ее жизни. Если для Вероники Пляшкевич с ее необузданным темпераментом роль Катарина добротная, первая после окончания академии, то Сергей Чекерес – имя в Беларуси знаковое и звездное. Он в театре – центральный герой – Гамлет, Дон Жуан. Ему многое подвластно, в нем живут страсти Иисуса Христа и отблески лермонтовского Демо-

на. Вольная свобода бытия, преданность законам семейного очага – та сила, которая преобразует наших героев. И Катарина в финале иная – хрупкая, прелестная, грациозная, смеющаяся.

Вся труппа идеально подготовлена к универсальному способу существования на сцене – пластичность, музыкальность, вокал, речь, движение, танец, темперамент, лицедейство объединяют актеров-комедиан-

«Чудаки» Мастаков – Сергей Чекерес, Ольга – Анна Маланкина.

го... Режиссер Валентина Еренькова поставила «Чудаков» так, что зрители, выйдя из театра, бросаются к текстам: как интересно! Все ли действительно так? Неужели в центре – не революция, не «Песня о Соколе» или «Буревестнике»? Один из героев «Чудаков» вспоминает с иронией, как в юности читал «Песню о Соколе» (у Горького – «Песню о Колоколе»)... Все в прошлом...

Тонкая сетка задника облеплена мотыльками и бабочками, слетевшимися к свету лампы. Герои спектакля постоянно убивают насекомых и мошкору. И люди жужжат, как насекомые... А в крыльях трепещущей бабочки прячется чья-то заблудшая душа. «Чудаки» – спектакль о любви. О писателе, бросающем свое сердце то одной, то другой, то третьей... О женщинах, безумно влюбляющихся в писателя. О любви, рождающейся и живущей в сердце художника.

«Писатели, как и слыхана, большие мастера по части соображения женщин», – иронически говорит один из героев в «Дачниках». И вот в «Чудаках» Горький разворачивает этот сюжет подробно. Писатель Константин Мастаков (Сергей Чекерес), женатый на Елене (Анастасия Шпалковская) «распускает хвост на все перья» перед Ольгой и другими красавицами. В советское время при редких постановках «Чудаков» «совратителя» Мастакова, конечно же, разоблачали и припечатывали.

ЖАР СОБЛАЗНА, ИЛИ «ЧУДАКИ УКРАШАЮТ МИР»

«Чудаки» Горького, созданные в 1910-х годах, почти не известны театральному зрителю. Тем интересно наблюдать, как изумляется публика в зале. И это – Горький? Горький, которого сегодня незаслуженно «сбросили с парохода современности», как когда-то авангардисты «бросали» и Пушкина, и Толстого, и Достоевско-

«Правдивая история» – обозначает театр жанр спектакля. Отношения Мастакова с его возлюбленными невольно обращают нас к жизни Горького в 1910-е годы, к его двум музам – Екатерине Пешковой и Марии Федоровне Андреевой. Но «правдивость» в искусстве – понятие крайне относительное. Не в биографии автора суть и смысл. Зрители соотносят мотивы «Чудаков» с чеховскими пьесами, с «Платоновым», «Чайкой», «Вишневым садом», находят набоковские мотивы, пародийные отсылки Островского, Леонида Андреева, Даниила Хармса. В то время, когда женщины, как мотыльки, летят на «жар соблазна», когда происходит острая психологическая дуэль за Мастакова между Еленой и Ольгой (Анна Маланкина), молодой Вася Турцын (Виталий Кравченко) умирает от чахотки. Он рыдает не от приближения смерти, а от людского равнодушия. Сонм равнодушных – это та самая «жизнь насекомых». Этот сонм украшает циник Вукол Потохин (Иван Мицкевич). В многоголосии «дачников» и «чудаков» свои «маленькие трагедии» у каждого – у Зины (Елена Сончило), ее матери (нар. арт. Беларусь Белл Масумин), Николая Потекина (з. а. resp. Андрей Душечкин), Сашеньки (Александра Богданова), Самоквасова (Андрей Захаревич).

Валентина Еренькова очень тонко и изящно прочла «Чудаков». Она вывела пьесу за все

временные пределы, поставив спектакль о вечных истинах. Да, о любви, но больше – о поэтическом посвящении. О том, как и из чего рождается Искусство. А рождается оно, настаивает театр, из той силы, которая владеет любящими сердцами. Константин Лукич Мастаков – пародийное отражение Константина Треллева. Только здесь – не убитая чайка, а замученная бабочка, она еще трепещет, но крылья у нее безжалостно отрывают...

Сходство Мастакова с пушкинским Дон Гуаном, вообще с Дон Жуаном несомненное. «Я рад, что живу, пьян от радости жить, и мне хочется рассказывать всем, впервые рожденным, о счастье моем...» Дон Гуан – поэт. «Я счастлив, я весь мир объять готов!» И горьковский Мастаков – поэт. Сергей Чекерес в Мастакове – прежде всего поэт. Прекраснодушный, капризный, по-детски наивный, радующийся каждому мигу бытия. «Люди рождаются стариками, – объясняет Мастаков, а я – родился впервые, ребенком, я счастлив тем, что молод... и безгранично люблю все это... все живое!»

Мастаков – Чекерес все время находится в гамлетовской рефлексии – его «быть или не быть» состоит только в том, где обрести Музу своего счастья. То, что более всего удаётся Сергею Чекересу в «Укрощении» и в «Чудаках» – непрерывность внутреннего существования. Его истина и открытие – в безграничности желаний и притязаний, в «зверином» счастье воли и свободы. Ключ к пониманию поэтического облика Мастакова, по мысли режиссера, в том, что Поэт нуждается в сподвижничестве. Он ищет встречное ответное движение души. Он ищет сотворчества. И потому так зависим от своих избранниц. И потому так уединен и одинок. Это то, с чем пуритане никогда не согласятся. Но на то они и пуритане, а не поэты.

Творчество, литература, поэзия – прибрежище и спасение. И в личном, и в общественном плане. Таков внутренний пафос и позиция Национального Русского театра в Минске и режиссера Валентины Ереньковой.

Финал спектакля открытый и неожиданный. В нем улыбка и надежда, Герои, искавшие выход из тупиков жизни, мечтали о полете на Луну... В финале – они все космонавты. И из динамика раздается знакомый голос российского президента, который приветствует экипаж МКС – международной космической станции и желает успешного совместного полета...

Маргарита ВАНЯШОВА.